

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39+394.014

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-314-327

«До талого, пацаны!»*: молодежные неформальные территориальные группировки Элисты

*Алтана Марковна Лиджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Лиджиева А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена городским территориальным молодежным уличным группировкам столицы Калмыкии г. Элисты. В ходе своего развития организованные молодежные группировки трансформировались в особую субкультуру со своей иерархией, сферой влияния, образом жизни, языками практиками. *Задачей* автора было показать развитие этого явления в молодежной среде неформальной субкультуры, описать нормы поведения, ценности и жизненные ориентации участников конкретных группировок г. Элисты. Основным *материалом* для анализа послужили полевые материалы, собранные автором в ходе интервьюирования участников неформальных группировок. *Методы.* Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода, метода включенного наблюдения, метода контент-анализа и интервью. *Результаты.* Функционирование современных неформальных группировок в границах города обусловлено исторически, а именно в период восстановления Калмыцкой АССР и ее республиканского центра г. Элисты появилось большое их количество. В новых условиях в границах городской территории неформальные уличные группировки появлялись на основе территориальной общности, что являлось наиболее распространенным видом организации по всей стране. Для молодого поколения улица служила местом маскулинного братского единства, основанного на телесных практиках, сходстве их представлений, взглядов и понятий. В период 2000–2010-х гг. некоторые неформальные объединения представляли собой качественно новые формы организованной преступной молодежной группировки с навыками доминирования, властных отношений и возрастной иерархией. Хотя молодежные «пацанские» компании не входили в криминальную воровскую среду, в той или иной степени они поддерживали эту связь и находили пути для организованной преступной деятельности.

Ключевые слова: подростки, молодежь, криминал, субкультура, уличные группировки, Калмыкия

* Выражение «до талого, пацаны!» на молодежном сленге означает «до конца», «полностью», «до упора», при этом может быть использовано в качестве устного призыва к действию, а также как выражение угрозы.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Лиджиева А. М. «До талого, пацаны!»: молодежные неформальные территориальные группировки (на примере г. Элисты) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 314–327. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-314-327

‘Do Talogo, Patsany!’: * Informal Territorial Youth Gangs of Elista

Altana M. Lidzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Postgraduate student, Junior Research Associate

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The article deals with street youth gangs in Elista, the capital of Kalmykia. In the process of their development, such organized criminal groups have transformed into a special subculture with its own hierarchies, spheres of influence, lifestyles, language, and practices. The author *aims* to show the development of this phenomenon as a subculture in the youth milieu, describing the norms of behavior, values, and life orientations of members of particular gangs operating in Elista. *Data and methods.* The main research sources are field materials collected by the author by way of interviewing members of such informal groups. The analysis involved the structural-functional method, participatory observation method, method of content-analysis and interviewing. *Results.* There is a history to the growth of modern informal groupings in the town: in fact, they proliferated during the period of restoration of the Kalmyk ASSR with its center in Elista. Under new conditions, within urban environment informal street gangs were formed on the principle of shared territories, which was in fact the most typical kind of such groupings in the country at large. For the younger generation, the street served as a space of masculine brotherly unity based on bodily practices, as well as on similar ideas, views, and concepts. In the period between 2000 and 2010, some of the informal units represented qualitatively new forms of organized criminal youth groupings; these were characterized by dominance practices, power relations, and age hierarchy. Although the youth (*patsan*) companies were not part of the criminal thieves’ subculture, they maintained to a degree this connection and found ways for organized criminal activity.

Keywords: teenagers, youth, criminality, subculture, street gangs, Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Lidzhieva A. M. ‘Do Talogo, Patsany!’: Informal Territorial Youth Gangs of Elista. *Mongolian studies (Elista)*. 2021; 13(2): 314–327. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-314-327

* The phrase can be translated as ‘To the bitter end, guys’ and interpreted as a direct threat or call for violence.

Введение

Переход к рыночной экономике, вызванный социально-экономическим кризисом в России, не мог не отразиться на молодежи. В этот период в молодежной среде стали все чаще появляться неформальные объединения, в частности и уличные группировки, со своими правилами, практиками и даже языком. В советский период эта тема практически не исследовалась в общественных и гуманитарных науках, так как советское правительство в соответствии с идеологией не признавала существование «альтернативных» сообществ в рамках формализованного советского общества. В постсоветский период 1990–2000-х гг. появилось множество исследований, посвященных различным неформальным молодежным группам, включая уличные группировки. Интерес к данной теме был обусловлен стремительным ростом активно заявлявших о своем существовании подростковых молодежных группировок и интересом общества, вызванным публикациями в СМИ. Основательные исследования этого вопроса проведены в работах ряда отечественных ученых, среди которых можно выделить труды Д. В. Громова, С. А. Стивенсона [Громов 2008], Н. С. Марковой, А. М. Бычковой [Маркова, Бычкова 2020], В. В. Шемякиной [Шемякина 2010], Е. Л. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдиной, Е. Страковой [Омельченко и др. 2004], А. В. Шашкина [Шашкин 2009], В. Ф. Пирожкова [Пирожков 1994], Е. А. Антоняна, Е. А. Борисова [Антонян, Борисов 2017]. Ученые в основном акцентировали свое внимание на явлениях, связанных с тем, что молодежные группировки несли угрозу общественной безопасности, в это же время происходила криминализация некоторых сфер экономической деятельности, в которую была вовлечена и молодежь. Поэтому понятен особый интерес исследователей к изучению криминальной субкультуры как формы асоциального поведения. Основной массив указанных трудов по молодежной уличной культуре основан на материалах столичных и крупных промышленных регионов России, однако работ, связанных с уличными сообществами постсоветского периода в южнороссийских городах, крайне мало.

Что касается исследований данной темы в Калмыкии, то следует подчеркнуть, что имеются единичные обращения к этой проблеме; так, например, имеются всего две работы В. В. Басанова [Басанов 2005] и А. Б. Лиджиева [Лиджиев 2008], в которых рассматриваются молодежные группировки, принцип их формирования, тенденции в развитии.

Постановка задачи

Целью исследования является анализ развития уличных группировок в молодежной среде в Калмыкии. В задачу автора не входило описывать причины складывания каждой из неформальных молодежных группировок, их размеры и состав, т. е. проводить реконструкцию их истории. Кроме того, следует оговориться, что подобные молодежные группировки в каких-то областях могут пересекаться с более широким социальным феноменом — неформальным движением «АУЕ» (которая расшифровывается как «Арестанский уклад един»)¹. Под АУЕ понимается, вслед за Н. И. Шаликовой, «разновидность криминаль-

¹ Верховный суд Российской Федерации принял решение о признании данного движения экстремистским (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoi-aue>).

ной субкультуры, характеризующаяся масштабностью распространения, крайне агрессивными методами воздействия на тех, кто не соблюдает ее законов и предпринимает попытки отказаться от участия в ней» [Шаликова 2018: 103]. Наше внимание сосредоточено на группировках г. Элисты и на том, как изменилась деятельность и структура этих группировок в постсоветский период.

На фоне пандемии Covid-19 полевое исследование было ограничено территорией г. Элисты. Хотя сбор полевого материала происходил в основном в г. Элисте, однако сами материалы охватывают более широкую территорию; так, к примеру, опросы проводились у участников неформальных группировок, проживавших ранее в сельских районах республики. Основной полевой материал был получен, кроме г. Элисты, из шести районов республики: Лаганского, Юстинского, Яшкульского, Черноземельского, Кетченеровского, Сарпинского. Интервью были проведены в режиме онлайн при помощи мессенджеров WhatsApp, Viber.

Полевые материалы (ПМА) в г. Элисте были собраны в период с октября 2020 г. по январь 2021 г. При соблюдении условий анонимности представители неформальных объединений согласились принять участие в индивидуальных (нарративных, полуструктурированных) интервью. Для изучения уличных сообществ по мере возможности было использовано включенное наблюдение в среде представителей уличных группировок. Кроме того, в рамках исследования использовались вспомогательные источники: публикации в СМИ и Интернете. Участниками исследования стали молодые мужчины в возрасте от 19 до 30 лет. В основном они представляли себя как бывшие или активные члены различных уличных группировок. Далее в статье «анонимизированные» участники в ПМА будут идентифицироваться по номеру интервью, за которым будут следовать год и место сбора материала. В качестве *хронологических рамок* данного явления мы выбрали период с 2000-х гг. до настоящего времени, тем самым частично охватив постсоветский этап развития неформальных уличных группировок столицы Калмыкии — г. Элисты. Однако необходимо все же отметить, что с точки зрения поколенческой стратегии участники группировок этого периода, с которыми читатель познакомится ниже, были рождены и выросли в республике, поэтому для них Элиста была домом, в отличие от респондентов до 1956 г. р., представлявших собой первое поколение группировок в конце 1960-х и начале 1970-х гг.

Возникновение уличных группировок

Процесс появления молодежных уличных группировок в Элисте и в общем в республике относится к концу 1960-х гг. Это было время восстановления и развития всей Калмыцкой АССР, но в первую очередь стремительного развития республиканского центра — города Элисты. Город рос быстрыми темпами благодаря миграции населения, развитию промышленности и в первую очередь жилищного строительства. Так, в 1957 г. на капитальное строительство в Элисте и в районах области были выделены 73 млн руб., 49 тыс. кубометров леса, детали сборных домов, строительные материалы, разнообразная техника. В порядке единовременной помощи остро нуждающимся семьям, инвалидам войны и труда было выдано более 1 млн руб, были построены жилые дома на 734 тыс. руб. [Очерки истории 1970: 353].

Калмыцкий народ с первых же дней прибытия на родину быстро и активно включился в производственную и общественную жизнь, показывая образцы трудового героизма на различных участках производства и культуры [Очерки истории 1970: 353]. Именно с этого периода стали появляться новые микрорайоны в различных частях города. У молодых людей, которые прибыли вместе со своими родителями из разных районов Сибири, Средней Азии и Казахстана, после школьных занятий оставалось больше времени для досуга, который они проводили в своем микрорайоне или дворе. В новых жилых микрорайонах складывались условия для формирования местных молодежных сообществ формального и неформального характера.

Если формальные молодежные сообщества концентрировались, как правило, в структурах советских институтов (школы, вузы, профтехучилища и трудовые коллективы), то неформальные «уличные» группы представляли собой еще аморфные объединения молодых людей, собиравшихся в своем дворе или микрорайоне для проведения совместного досуга. Тогда в городе с населением в 40 тыс. человек насчитывалось около 5–6 неформальных молодежных групп [Басанов 2005: 29]. Неформальные уличные сообщества являлись *локоцентрическими*, т. е. складывались на основе территориальной общности. В часы досуга молодые ребята были предоставлены сами себе: могли употреблять спиртные напитки, позволяли себе «шалости» хулиганского характера, подчас переступавшие рамки дозволенности, тем самым нарушая общественный порядок спальных районов города.

Представляется, что в 1970-е гг. аморфные уличные сообщества «обжились» в своих кварталах и «укоренились» на своих территориях, укрепив свою «территориальную» идентичность. Подростки стали «защищать» и отстаивать свою территорию, противопоставляя себя «чужим» с других территорий. Поэтому можно согласиться выводом А. Б. Лиджиева [Лиджиев 2003: 708], что подростково-молодежные группировки формировались, в первую очередь, по признакам территориальной принадлежности. Более того, именно в эти годы, как замечает В. В. Басанов, «между группировками началась борьба за сферы влияния на территории города. В этот период окончательно сформировались группировки, участвующие в массовых драках, такие как: „Ковбой“, „Бугровцы“, „Пионерские“, „Пески“, „Плодосовхоз“, „4-й микрорайон“ (впоследствии „Гномы“), 101-й квартал (или „Стопики“»)» [Басанов 2005: 30]. Объединяясь в сообщества, активисты молодежных группировок выражали свою общность через территориальные названия своих объединений. Анализируя наименования конкретных молодежных группировок, А. Б. Лиджиев отмечает, что «типичные названия были связаны с местом проживания тех лиц, которые входят в состав молодежного объединения: „БАМ“ расшифровывается как „Бадмадучиевская молодежь“, т. е. по названию улицы; „Стопики“ — это 101-й квартал г. Элисты; „Хомуты“ — относится к проживающим по ул. Хомутникова, „Квартал“ — по бытовому названию проживающих в районе 202-го квартала; „Пионерские“ — живущие по ул. Пионерская; „Ленинская бригада“ — по ул. Ленина; в г. Лагани название группировки „Ракуша“ было связано с названием местности в поселке, „Джамбул“ также происходило от названия улицы. Часть уличных группировок в одном районе получала более крупную террито-

риальную идентичность: окраина города стала в народе называться „Шанхай“ как символ скученности населения и маргинальности этого городского квартала; „Могила“ — по месторасположению района, который находится возле городского кладбища» [Лиджиев 2003: 707].

Вместе с этим в отдельных случаях этимология уличных группировок может носить форму шутки или самоиронии. Так, например, название «Гномы» связано с тем, что члены этой группировки, будучи юными, отличались от более старших товарищей низким ростом и в иерархии городской молодежной преступности промышляли мелким воровством. Поэтому старшие товарищи в шутку прозвали их «гномами» [Лиджиев 2003: 708].

В сельских районах деление также происходило по территориальному признаку с использованием названий улиц, районов в рамках территориально-административных устройств. Спектр самоназваний сельских группировок был очень широк. Так, например, для пос. Кетченеры также характерно территориальное деление, в котором используются названия местных улиц: «Зареченские» — по названию ул. Зареченская, «Ростовчане» — по названию ул. Ростовская, «Черныши» или «Черный квартал» — по названию района, этимология которого связана с частыми отключениями света в данном районе [Лиджиев 2003: 707].

Места «встреч» членов уличных группировок

Как мы отмечали выше, пространство города, как правило, делится молодежью на зоны влияния и активно осваивается ими. Рассмотрим четыре отдельных локуса — территории и места встреч, где главным образом происходили и происходят так называемые «тусовки». В качестве популярных мест коммуникации пацанов с «улицы» можно выделить следующие пространства:

- 1) «падик»², который выступает временным пристанищем в холодное время года;
- 2) гаражи, которые в советское и настоящее время служат местом общения мужских компаний, объединенных интересом к автомобилям и их ремонту;
- 3) заброшенные строительные объекты, находящиеся на территории проживания или вблизи школ.

Еще одним маркированным пространством для уличных группировок является «край»³. Образ «края» как территории проживания отражается в современных молодежных песнях. Так, известный молодой рэп-исполнитель Lottu G, этнический калмык, в рамках релиза музыкального альбома «Goldenlotus» в апреле 2020 г. выпустил видеоклип под названием «35 STREET», основной идеей которого стала романтизация криминальных улиц в городе Элисте в форме речитатива. Сам музыкант вырос во дворе, который называется «35-ка», или «Бугровский квадрат», так как эта территория была и остается сферой влияния молодежной территориальной группировки «Бугор».

В территорию сферы влияния может также входить учебное заведение (школа), где учатся члены группировки, или спортзал, где проходят спортивные тренировки.

² Подъезд жилого дома.

³ На молодежном сленге территория проживания, место жительства.

В холодное время года еще одной модификацией места встреч для коммуникации выступают *подвалы*. Как правило, это специально для этого приспособленное помещение. Здесь имеются хорошо оборудованная электропроводка, спиральная плитка для приготовления пищи и даже работает телевизор: «... телевизор был. Я там первую серию „Бригады“ смотрел» [ПМА]. Нередко постоянные посетители подвала строго следят за правилами: просят снимать верхнюю одежду, не мусорить и не нарушать порядка в самом подвале. Это объясняется повышенным вниманием со стороны полиции, сотрудников жилищно-коммунального хозяйства и местных жителей. Для участников уличных сообществ желательно выглядеть в их глазах положительными и порядочными. В городском локусе Элисты встречаются случаи, когда «свой» край маркируется на теггинговых граффити (названием уличного сообщества, ее символикой, текстовым слоганом — см. фото 1).

Фото 1. Граффити на фасаде школы № 3 в г. Элисте. Фото автора
[Fig. 1. Graffiti on the façade of School 3, Elista. Photo by author]

Преступность

В период 2000–2010-х гг. относительно безбидный характер дворовых посиделок и времяпрепровождения первого постсоветского поколения уличных группировок изменился и структурировался под влиянием самоорганизации криминальной среды, состоявшей из взрослых и опытных заключенных и бывших заключенных. В новых условиях уличные группировки развивались как по своей структуре, так и по характеру своей деятельности, которая по большей части была связана с неформальной экономикой и имела криминальный характер. С борьбой за сферу влияния в границах города структура элистинских молодежных неформальных объединений перестраивалась и превраща-

лась в форму молодежной *криминальной субкультуры*. Под этим термином В. В. Шемякина понимает «некий образ существования в обществе лиц, объединяющихся в криминальные группы и придерживающихся определенных обычаев и традиций преступного мира» [Шемякина 2010: 22]. Одним из таких обычаев как актов солидарности и финансовой поддержки осужденных и их семей стал общий взнос в «общак» добровольно-принудительного характера. Так, наш респондент отмечает: «...Мы собирали общак для себя. На сигареты, пиво. <...> Или там у кого-нибудь упокоиться. Мы, бах и помогли!» [ПИМА]. Как замечает В. В. Басанов, «завели „общак“ — куда каждый член должен был вносить свою долю денег. Эти средства использовались частично на совместные увеселительные мероприятия членов группы — дни рождения, юбилеи, выезды „на природу“, на покупку одежды, для покупки продуктов питания и отправки „продуктовых“ посылок для бывших своих участников в места лишения свободы, похороны членов уличных группировок, погибших в драках, и уплату штрафов» [Басанов 2005: 33].

В этот период некоторые неформальные объединения стали представлять собой, в отличие от представителей первого и второго поколения, качественно новые формы криминализации молодежи подростков, включая изготовление и использование самодельного оружия (зажигательных смесей и взрывных устройств) и «полубоевого» снаряжения участников уличных группировок для групповых драк (заточки, ножи, кастеты и цепи). Создание «боевых» группировок было связано с постоянными драками и актами физического насилия над членами других группировок в открытых групповых конфликтах или преследовании отдельных индивидов. Вследствие ожесточенных массовых беспорядков калмыцких подростков нередко доставляли в больницу с телесными повреждениями разной степени тяжести⁴.

Еще одной характеристикой преступных подростковых практик является поиск *места* для драки. Так, если первое поколение уличных группировок для драк (если конфликт не перерастает в драку тут же на месте) выбирали уединённую территорию — балку или овраг, задворки дома, «*подальше от милиции*» (если драка групповая), то сегодня подростки, как выразился один из респондентов, «*забивают*» друг друга в самом центре города. Так, например, по сообщениям интернет-газеты «Московский комсомолец в Калмыкии», 18 сентября 2020 г. в Элисте произошла массовая драка горожан. По словам очевидцев, в районе Пагоды семи дней на площади Ленина и за Домом правительства в самом центре города в массовых беспорядках участвовало не менее 12 человек, включая несовершеннолетних. В драке использовались палки, металлические трубы и камни. По требованию Прокуратуры Республики Калмыкия по данному факту было возбуждено уголовное дело. Расследование ведется в связи с грубым нарушением общественного порядка группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 213 Уголовного кодекса РФ)⁵. Данное обстоятельство получило широкий резонанс в среде группировок по большей

⁴ Такой вывод сделан на основе анализа собранных полевых материалов.

⁵ В Элисте подрались подростки — МК в Калмыкии (дата публикации: 18.09.2020) // Московский комсомолец [сайт]. URL: <https://www.mk-kalm.ru/incident/2020/09/18/v-eliste-podralis-podrostki.html> (дата обращения 08.02.2021).

части негативного характера. Так, критиковалось место драки. Например, наш респондент отмечает следующее: *«Это галимый понт, который сейчас уже не канает. Тогда это был момент, братский момент. А сейчас. Они напротив Будды дерутся! В мое время никто там не дрался вообще! Перед детьми тем более!»* [ПМА]. Или другой пример: *«...Бегают, возле дракончика⁶ дерутся. Хотя за это и та и та сторона могла бы дать им по бошкам. Ты дерись⁷ <...>? Вот там есть пустырь, идите там, деритесь⁸, или ночью. Все драки были ночью, а не днем, где дети гуляют! А прикинь там, моя сестра с ребенком гуляла, да? А вы здесь драку начали!»* [ПМА]. Как видим, критику вызвал факт нарушения неписаных правил относительно места. По словам бывшего участника группировки, факт несоблюдения места и времени выяснения конфликта связан с отсутствием внутригрупповой дисциплины, что приводит к потере уважения в среде уличных группировок [ПМА].

Связь с воровским сообществом

Анализируя уличные группировки, В. В. Басанов утверждает, что «преступные группировки стали поддерживать постоянную связь с „зоной“, то есть с теми членами группировок, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, стали отсылать посылки с продуктами, одеждой» [Басанов 2005: 31]. Предположительно, подобная практика поддержки своих товарищей в некоторых неформальных группировках в действительности существовала. По словам респондентов, эта тенденция получила развитие в деятельности уличных сообществ периода 1990-х – начала 2000-х гг. Один из респондентов вспоминает: *«...Более старшие люди поедут там на рынок, купят зеленого чая в плитках, сигарет и так далее, задействованы были даже мы. Допустим, я в 15 лет мог с пацанами постарше поехать»* [ПМА]. В настоящее время подобная связь с «зоной» менее выражена по сравнению периодом 1990-х гг., и, на наш взгляд, уже практически утратила свою актуальность. Этот факт, возможно, объясняется тем, что не поддерживаются отношения с теми лицами, кто отбывает наказание в местах лишения свободы.

Социальная иерархия

«Улица» нередко воспринимается как арена жесткой возрастной иерархии участников группировок. Как правило, на «улице» существует социальная групповая иерархия, в которой есть так называемые «паровозы», «постарше» и «помладше» (в разные годы их названия различались, но суть сводилась к возрастной дифференциации участников группировки). Возрастные границы этих групп могут быть размыты, но, тем не менее, к первой категории «постарше», по разным ответам, относятся молодые люди в возрасте от 26 лет и старше. Принцип заинтересованности категории лиц «постарше» в прибавлении «молдых» во многом связан с поддержанием устойчивости и сплоченности конкретного неформального сообщества. На «улице» лица «постарше» являются авторитетами, курируют деятельность группировки и устанавливают жесткую

⁶ «Дракончик» — неофициальное обозначение горожанами скульптуры-фонтана «Мальчик и Дракон» в г. Элисте.

⁷ В оригинале употреблена нецензурная лексика.

⁸ В оригинале употреблена нецензурная лексика.

систему правил с развитой системой наказаний за те или иные проступки. Как правило, агрессия и насилие применяются для устрашения отдельных членов группировки и поддержания дисциплины в ней. Чаще всего, по словам респондентов, практики насилия характерны для «*новобранцев*» как способ наиболее недвусмысленно показать иерархию принимаемого сообщества.

В отношении активной «*работы*» с молодежью привлекаются «*паровозы*». В их число входят молодые мужчины в возрасте от 17 до 20 лет. «*Паровозы*» занимаются набором «*числа*», т. е. рекрутируют новых членов. По словам информантов, вовлечение в ряды «*своих*» происходит в «*братской*» дружеской форме коммуникации: «*Я общаюсь „по-братски“. Подходим, спрашиваем: „Че будешь с нами? Давай с нами!“*» [ПМА]. Кандидатов подбирают по году рождения, т. е. по возрасту, через знакомых и одноклассников. В неудачные дни общих встреч «*сборов*» именно «*паровозы*» как старшие по году отвечают за всех в случае «*косяка*». Также на сборах «*паровозы*» знакомят и представляют новых членов молодежного неформального сообщества. На уличном сленге новых рекрутов называют «*помладше*». Прием в группировку проходит просто. По словам информантов, никаких особых ритуалов вроде целования стальной печатки-кольца или присяги не существует. Однако собственно «*знакомство*» довольно часто представляет собой обряд инициации, в котором посвящение совершается за счет применения физической силы. При этом обряд инициации проходит публично: «*...Они проверяли „П***р“ — „не п***р“. Бьешь, если стоит, значит нормальный*» [ПМА]. Как видим, в процессе этого испытания новички должны доказать свои физические способности и свою стойкость. Это означает их готовность быть частью субкультуры и ни при каких условиях не показывать свой страх («*терять лицо <...> Даже если имеешь дело с применением силы, надо выстоять и ни в коем случае не убежать*» [ПМА]. После вступления в группировку они становятся самыми молодыми и бесправными членами в иерархии улицы. Их возраст варьируется от 13 до 16 лет, и по уголовному кодексу относятся к группе «*несовершеннолетних*». «*Помладше*» участвуют в групповых драках, грабеже и кражах. Именно несовершеннолетние этого возраста совершают противоправные действия и тем самым формируют преступную активность среди подростков, поскольку для них как несовершеннолетних предусмотрено менее жесткое наказание, согласно Уголовному кодексу РФ. Найдя себе замену, «*паровозы*» переходят в следующую возрастную категорию, членство в группировке сменяется, а по достижении более старшего возраста многие «*постарше*» отходят от активной деятельности, их членство становится в значительной степени номинальным, но, как правило, не прекращается. Как справедливо замечает С. Стивенсон, «*е (группировку.— А. Л.) можно считать братством, закрытым мужским сообществом с прочными межличностными связями и существенным равенством статуса*» [Стивенсон 2017: 121–122].

Эгалитарность, гендер и сексизм

Отдельной темой в субкультуре уличных группировок, состоящих, в основном, из молодых мужчин, является отношение к женскому полу, на который также экстраполируется социальная иерархия данной группы. Эгалитарные отношения и сексизм (под которым понимается дискриминация по полу,

унижение и мнение о девушках как об удобной домашней прислуге). Как правило, в уличных группировках эгалитаризм прослеживается по отношению к сестрам и девушкам участников конкретного неформального сообщества. Положительная оценка, одобрение может маркироваться через сленговую форму коммуникации («близкая», «сестренка»). Девушкам, состоящим с членами группировок в любовных отношениях, также приписывается высокий статус. Она как представитель более высокого уровня находится в привилегированном положении, к ней не «подкатывают», уважают и защищают. Хорошее отношение и уважение имеют также «девочки со двора». Принадлежность к месту жительства или конкретному «краю» (двору, микрорайону, кварталу) придает также высокий статус девушкам. Они соседки или одноклассницы членов группировок, у них крайне редко возникает симпатия друг другу, преобладают дружеские взаимоотношения, такие девушки не подвергаются виктимизации. Так, респондент сообщает: «...К ним вообще нельзя было. Было полное неприкосновение. Их нельзя было трогать. Типа они ж „свои“. С края. Сестренки, грубо говоря. Но можно было встречаться. По обоюдному [согласию] — переспать» [ПМА]. Во многих молодежных неформальных сообществах наличие большого сексуального опыта может снизить статус девушки, перевести ее в разряд «шкур». Как правило, о вступлении в половую связь члену группировки либо сообщают, либо он сам «пробивает за нее» для того, чтобы не совершить ошибку и «не упасть в глазах» окружающих.

Некоторые участники интервью указывали на определенные правила половой сегрегации. Так, например, девушки не могли входить в некоторые мужские группировки, им не разрешалось присутствовать на «сборах». Эгалитарная стратегия свойственна к типам «сестра», «девушка». На понижение статуса и неуважение к девушке могут повлиять различные факторы, среди которых могут иметь место стереотипы и слухи. Своеобразные правила поведения идентифицируются членами уличных сообществ, однако в любом случае женский статус будет оставаться ниже мужского. Как отмечает С. Стивенсон «такое положение — следствие патриархального характера власти в подобных организациях, следующих традиционным шаблонам мужского доминирования» [Стивенсон 2017: 122–123].

Занятия спортом

На молодежном сленге тех, кто регулярно или профессионально занимается спортом, называют «спорттики». Как нам кажется, сообщества спортсменов по отношению к уличным группировкам находятся несколько обособленно: «...они жили по-своему. Мы их не трогали. Да и смысл? Вот с 7 школы ребята боксеры, да. Да, мы общались и общаемся. Я их знаю, вплоть до второго (1992 года рождения. — А. Л.) года знаю ребят всех. Кто мастера, кто эти. Ну, жили по-своему. Приходили. Занимались. Уходили. Мы по своей стороне ходили. Они по своей» [ПМА]. Исходя из этого, мы можем заключить, что у них «свои» компании. К спортсменам пристального интереса со стороны участников неформальных сообществ не наблюдается, да и объединяются «спорттики» не по территориальной принадлежности, а по интересам. В молодежной среде как «пацаны улицы», так и «спорттики» могут сосуществовать параллельно и вместе, однако их поведение транслируется в обществе в соответствии с инте-

ресами и разнонаправленностью их деятельности. Но при этом в молодежной среде неформальных уличных группировок присутствует заметный интерес к спорту, больше к борцовым видам спорта. Однако степень вовлеченности в спортивные практики может быть разной: «...кто-то ходил, кто-то не ходил. Прямо конкретно такого не было» [ПМА]. В этом смысле мотив занятий спортом у участников группировок носит индивидуальный характер в зависимости от поставленной ими цели, развития физических качеств или стремления к удовлетворению интереса к спортивной активности.

Вместе с тем спорт как ценность значим для элистинских группировок. Наиболее ярким примером являются легальные спортивные организации, состав участников которых имеет сходство с составом уличной группировки. Так, наш респондент отметил: «...Мы его „ТИР“ называли. На 7 школе. Мы сами его строили. Нам его открыли официально. Мы его сделали „МСО“ через мэрию» [ПМА]. Специально оборудованное помещение служило местом для занятия спортом (спортивные маты для занятия калмыцкой борьбой), для подвижных игр (теннисный стол с ракетками), игры в шахматы. Интересным является и то, что участники группировок приобретали шахматы самостоятельно либо, как выразился один из респондентов, «ребята с зоны загоняли». В начале 2000-х гг. проводились турниры по шахматам. Победителям шахматных турниров вручали ценные призы и подарки в виде DVD-плееров. В настоящее время легальные спортивные организации под своей аббревиатурой и названием участвуют в федеральных и республиканских форумах, строят спортивные площадки и практически не имеют отношения к неформальным объединениям.

Прекращение членства

Исключение участников из уличной группировки обозначено четкими правилами. К примеру, для того чтобы несовершеннолетнему «отойти» предлагается на выбор три способа. Первый способ связан с применением физической силы. Второй способ носит «коммерческий» характер, подразумевающий под собой выплату денежных средств для выхода из членов группировки. Такая монетизация представляет собой сравнительно новую тенденцию, и некоторые участники группировок считают это прискорбным отступлением от традиций [Стивенсон 2017: 124–125]. Примечательно и то, что для постсоветского поколения уличных группировок эти два вида «выхода» в основном не распространены, в отличие от третьего способа. Данный способ представляет собой исключение из неформальной группировки при помощи «связей» в криминальном мире, знакомых и других родственников подростка. В большинстве случаев именно эта причина помогает без наказаний покинуть уличное сообщество. Среди прочих факторов для исключения можно выделить следующие: донос в полицию, пьянство, наркотическая зависимость и трусливое поведение во время драки.

Заключение

Мы рассмотрели лишь небольшую часть широкого поля такого молодежного явления, как уличные группировки. Функционирование современных неформальных группировок в границах города обусловлено исторически: в период восстановления Калмыцкой АССР и ее республиканского центра г. Эли-

сты появилось большое их количество. В новых условиях в границах городской территории неформальные уличные группировки появлялись на основе территориальной общности, что являлось наиболее распространенным видом организации по всей стране. Для молодого поколения улица служила местом маскулинного братского единства, основанного на телесных практиках, сходстве их представлений, взглядов и понятий. В период 2000–2010-х гг. некоторые неформальные объединения представляли собой качественно новые формы организованной преступной молодежной группировки с навыками доминирования, властных отношений и возрастной иерархией. Хотя молодежные «пацанские» компании не входили в криминальную воровскую среду, в той или иной степени они поддерживали эту связь и находили пути для организованной преступной деятельности. Вырастая на улице, молодые люди обретали территориальную идентичность, особые черты характера, проявляли агрессию и в то же время храбрость, осваивали городские микрорайоны и маркировали жилые кварталы, формируя свою сферу влияния в них. Уличные группировки оставались и пока еще остаются частью современного общества; более важной проблемой является, захотят ли пацаны «на движениях» принять роль законопослушных граждан. Ответ на этот вопрос каждый из них решает сам.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора.

Sources

Author's Field Data.

Литература

- Антонян, Борисов 2017 — *Антонян Е. А., Борисов Е. А.* К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // *Lex Russica (Русский закон)*. 2017. № 12 (133). С. 180–186.
- Басанов 2005 — *Басанов В. В.* Элистинские территориальные подростково-молодежные группировки: ретроспективный анализ и тенденции развития // *Современное студенчество: социальные ценности и нравственные ориентации*. Сб. науч. тр. Элиста: КалмГУ, КТИ (филиал) ПГТУ, 2005. С. 29–35.
- Громов, Стивенсон 2008 — *Громов Д. В., Стивенсон С. А.* Пацанские правила: нормирование поведения в уличных группировках // *Молодые москвичи. Кросскультурные исследования* / под ред. М. Ю. Мартыновой, Н. М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2008. С. 427–457.
- Лиджиев 2008 — *Лиджиев А. Б.* Неформальные молодежные сообщества в контексте современности: на примере Калмыкии // *Этносоциальные процессы во внутренней Евразии: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9*. Семипалатинск: Научно-издательский центр Семипалатинского гос. университета им. Шакарима, 2008. С. 707–711.
- Маркова, Бычкова 2020 — *Маркова Н. С., Бычкова А. М.* Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // *Пролог: журнал о праве*. 2020. № 3. С. 43–53.
- Омельченко и др. 2004 — *Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры* / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова; пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетей, 2004. 278 с.
- Очерки истории 1970 — *Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма* / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.

- Пирожков 1994 — *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) [электронный ресурс]. Тверь: Приз, 1994. 323 с. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/pirojkov/04.htm> (дата обращения: 17.01.2021).
- Прокуратура Республики Калмыкия: официальный сайт. Элиста. Обновляется в течение суток [электронный ресурс] // URL: http://https://epp.genproc.gov.ru/webproc_08 (дата обращения: 16.01.2021).
- Стивенсон 2017—*Стивенсон С.* Жизнь по понятиям: Уличные группировки в России. М.: Страна Оз, 2017. 304 с.
- Шашкин 2009 — *Шашкин А. В.* Улица: свои и чужие (на материале молодежных группировок городов Среднего Поволжья) // Молодежные уличные группировки. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 149–184.
- Шемякина 2010 — *Шемякина В. В.* Криминальная субкультура в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 24 с.

References

- Antonyan E. A., Borisov E. A. The question of popularization of criminal subculture among the youth. *Lex Russica*. 2017. No. 12 (133). Pp. 180–186. (In Russ.)
- Basanov V. V. Teenage and youth territorial groups of Elista: retrospect analysis and development trends. In: *Contemporary Student Community — Social Values and Moral Guides. Collected scholarly papers*. Elista: Kalmyk State University, Kalmyk Institute of Technology, 2005. Pp. 29–35. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) *Kalmyk ASSR in the Socialist Era: Historical Essays*. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Gromov D. V., Stevenson S. A. Patsan rules: codifying behavioral patterns in street gangs. In: *Martynova M. Yu., Lebedeva N. M. (eds.) The Youth of Moscow: Cross-Cultural Studies*. Moscow: RUDN University, 2008. Pp. 427–457. (In Russ.)
- Lidzhiev A. B. Informal youth gangs in contemporary context: a case study of Kalmykia. In: *Ethnosocial Processes in Inner Eurasia. Conference proceedings*. Vol. 9. Semipalatinsk: Shakarim University, 2008. Pp. 707–711. (In Russ.)
- Markova N. S., Bychkova A. M. Criminal subculture among young people as a criminologically significant problem in the context of the modern culture crisis. *Prologue: Law Journal*. 2020. No. 3. Pp. 43–53. (In Russ.)
- Pilkington H. et al. Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. O. Oberemko, U. Blyudinoy (transl.). St. Petersburg: Aletheia, 2004. 278 p. (In Russ.)
- Pirozhkov V. F. *Laws for the Youth Criminal World: Criminal Subculture*. Tver': Priz, 1994. 323 p. Available at: <http://yurpsy.com/files/biblio/pirojkov/04.htm> (accessed: January 17, 2021). (In Russ.)
- Public Prosecutor's Office in the Republic of Kalmykia (website). Available at: http://https://epp.genproc.gov.ru/webproc_08 (accessed: January 16, 2021). (In Russ.)
- Shashkin A. V. The street: 'us' and 'them'. In: *Street Youth Gangs*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2009. Pp. 149–184. (In Russ.)
- Shemyakina V. V. *Criminal Subculture in Contemporary Russia*. Cand. Sc. (law) thesis abstract. Chelyabinsk, 2010. 24 p. (In Russ.)
- Stevenson S. *By Rules of the Underworld: Street Gangs of Russia*. Moscow: Strana Oz, 2017. 304 p. (In Russ.)